

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*Я.Г. ШЕМЯКИН***Феномен модернизации:
цивилизационное измерение****Статья 2. Ценности модернизации на Западе и в “незападном” мире:
особенности восприятия и динамика эволюции идентификационных стратегий**

Автор продолжает исследовать комплекс модернизационных трансформаций в контексте цивилизационного подхода. В статье определяется содержание ценностей данного феномена и их иерархия, анализируются особенности восприятия модернизационного импульса на Западе и в “незападном” мире. Особое внимание уделено противоречивому и исторически меняющемуся соотношению двух основ модернизации: принципов свободы выбора и рациональности. В связи с этим прослеживается динамика эволюции идентификационных стратегий. В качестве отдельного объекта изучения выделяется проблема специфики процесса модернизации в цивилизациях “пограничного” типа, к которым относится Россия.

Ключевые слова: модернизация, ценности модернизации, модерн-проект, межцивилизационное взаимодействие, цивилизационная идентичность, идентификационная стратегия, суб-экумены, “пограничные” цивилизации.

Процесс модернизации предполагает идентификацию с ее ценностями. Их единый комплекс, в своем первоначальном виде сложившийся в XVII–XVIII вв. в Западной Европе, базировался на двух принципах: индивидуальной свободы выбора во всех сферах жизни и рациональности. К слову, именно отсюда и берут начало такие привычные теперь понятия, как: экономическая самостоятельность индивида в рамках свободного от жесткого контроля государственной бюрократией рынка, развитая правовая структура, верховенство закона, гражданское общество, политическая демократия, представление об универсальных правах человека, терпимость, плюрализм (см. [Шемякин 2001^b, с. 7–11]). Все ценности модернизации взаимосвязаны и взаимообусловлены, однако, как показал опыт их практической реализации в XVIII–XX вв., эта взаимосвязь весьма противоречива, причем наиболее сильное напряжение возникло именно между сферами базовых ценностей свободы выбора и рациональности. Неотъемлемой частью процесса модернизации стал выбор той или иной **идентификационной стратегии**, в рамках которой определялись те или иные приоритеты и, соответственно, иерархия ценностей модернизации. Исторический опыт демонстрирует множество разнообразных “модерн-проектов” – реализованных, частично реализованных, вообще не доведенных до стадии реализации. Но если попытаться обобщить этот опыт, то приходишь к выводу, что весь спектр возможных решений тяготеет к трем основным вариантам:

Шемякин Яков Георгиевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН. Адрес: Б. Ордынка ул., д. 21/10, Москва, 115035. E-mail: shemiakin.yakov@yandex.ru.

– доминанта принципа рациональности. Принцип свободы в этом случае отодвигается на задний план, либо вообще отвергается, по меньшей мере на уровне жизненной практики;

– доминанта принципа свободы, которая предполагает расширение сферы его действия в результате утверждения системы социальных прав и гарантий, причем между императивами социальной справедливости и рациональными соображениями экономической эффективности возникает, как правило, противоречие. В данном случае имеет место ограничение сферы действия принципа рациональности;

– ориентация на достижение оптимального баланса соотношения между рациональностью и свободой, выдвигаемого как идеал, к которому нужно стремиться.

В ходе первичной модернизации на Западе утвердился и стал доминирующим фактором духовной жизни особый тип рациональности – “формальная рациональность”, чью исчерпывающую характеристику дал М. Вебер. В ней, как убедительно показал великий немецкий мыслитель, наиболее полно проявился “дух капитализма”. Я уже неоднократно излагал на страницах научных изданий мои выводы относительно отличительных признаков этой разновидности рации, выделенных на основании обобщения трудов самого Вебера и представителей “веберовского ренессанса”. Таковыми признаками выступают: во-первых, убеждение в том, что количественная характеристика любой вещи (явления, процесса) – это исчерпывающая ее характеристика, при этом никакие качественные определения не имеют значения (“всеобщая калькулируемость”). Во-вторых, раз все можно сосчитать, значит все можно познать, никаких тайн, недоступных “свету разума” нет и не может быть в принципе (“всеобщая познаваемость”). В-третьих, полностью “просчитанный”, познанный мир управляем – во всяком случае, в той его части, которая доступна человеку (“всеобщая управляемость”) [Шемякин 2007^а, с. 89–90; Шемякин 2008, с. 133; Шемякин 2011, с. 81].

В ходе развития цивилизационной системы Запада в XVIII–начале XIX в. появилась, а к началу XX в. резко усилилась диспропорция, выразившаяся в гипертрофии принципа формальной рациональности (капиталистического начала) за счет иных ценностей модернизации – прав человека, политической демократии, верховенства закона, утверждения примата права над силой при разрешении конфликтов. Это нашло свое отражение в капиталистической эксплуатации, вплоть до рубежа XIX–XX вв. не ограниченной каким-либо социальным законодательством; в тенденции к ограничению демократии буржуазными рамками (стремление трактовать ее исключительно как демократию собственников; введение системы различных цензов, прежде всего имущественных и образовательных, оставлявших за рамками избирательного процесса массы неимущих и т.п.). К этому можно добавить попытки воспрепятствовать самоорганизации рабочих (за которыми долгое время не признавались права на забастовку и создание профсоюзов для защиты своих интересов); практику колониальной экспансии и угнетения подчиненных в ее ходе народов неевропейского мира; примат силы над правом в сфере международных отношений; рост милитаризма и стремление разрешать межгосударственные противоречия военными методами. Все эти явления, с особой силой обозначившиеся в начале XX в., противоречили принципу индивидуальной свободы выбора – второй главной основы комплекса ценностей модернизации, поскольку очевидным образом лишали возможности осуществить подобный выбор основную часть человечества. Гипертрофия принципа формальной рациональности поэтому означала ослабление важнейшей составляющей духовно-ценностного фундамента западной цивилизации, что привело эту цивилизацию в XX в. к глубочайшему кризису.

Попытки выхода из него закономерным образом обусловили необходимость коррекции прежней идентификационной стратегии. Что выразилось в частичном преодолении “перекаса” цивилизационной системы в сторону принципа формальной рациональности и связанных с этим явлений: в расширении сферы действия принципа свободы в результате принятия социального законодательства; создания разветвленной системы социальной защиты; качественного повышения роли организованного

рабочего движения, социалистических (прежде всего, социал-демократических, в ряде стран – коммунистических) партий и профсоюзов в политической структуре западных стран; переходе на новый, более высокий уровень развития гражданского общества. Всё это означало формирование социально-политического механизма, который в определенной мере обеспечивал учет и баланс многообразных интересов самых различных классов и социальных групп.

Этот механизм в целом сохранился до наших дней, хотя в 1980–1990-е гг. ему был нанесен некоторый урон “неоконсервативной волной”, знаменовавшей собой определенный реванш принципа формальной рациональности. Но он все еще до известной степени удерживает западную цивилизационную систему от нового резкого “перекоса” в сторону формальной рациональности. Впрочем, такой тип *ratio* продолжает доминировать в ареале “фаустовской” цивилизации, и очередной этап ее духовного кризиса, развертывающийся на наших глазах, обусловлен перечислявшимися выше существенными чертами формально-рационального подхода к миру.

В неевропейских цивилизациях модернизационный процесс имел важные отличительные особенности по сравнению с Западом. В конечном счете, все эти особенности были обусловлены тем, что народы “незападного” мира, встав на путь модернизации, вынуждены были догонять далеко ушедших по этому пути западноевропейцев и североамериканцев [Гирц 2004, с. 153, 155; Мюрдаль 1972, с. 116–117; Шемакин 2001^b]. Состав комплекса ценностей модернизации предстал вне ареала западной цивилизации в несколько ином виде. В условиях европейской колониальной экспансии, когда встал вопрос о самом самостоятельном существовании “незападных” народов и государств, наибольшую актуальность для них приобрела задача первоочередного овладения теми сторонами опыта европейских держав, которые давали им огромные военно-технические и организационные преимущества. В этой связи особое значение для представителей неевропейского мира имело усвоение достижений научно-технического прогресса (главным образом в том, что касается военной техники, а также методов административного управления).

Западные наука и техника были наиболее чистым воплощением рационального начала (в той его формально-рациональной трактовке, которая доминировала в “фаустовском” цивилизационном ареале). Сосредоточение внимания именно на этой стороне западного опыта привело к тому, что в восприятии комплекса ценностей модернизации в “незападном” мире на первое место в иерархии этих ценностей в сознании представителей неевропейских цивилизаций выдвинулся рационализм. Рациональный подход к действительности неизбежно приводил к выводу, что условием быстрого вхождения в современность для “незападных” народов выступало ускоренное, догоняющее развитие: причем эти народы должны были за десятилетия пройти тот путь, который страны Запада прошли за столетия. В результате **развитие** получило в неевропейских цивилизациях статус важнейшей самостоятельной ценности модернизации.

Для того чтобы в кратчайшие исторические сроки решить комплекс задач модернизационных трансформаций, необходима концентрация всех сил неевропейских обществ. На подобную концентрацию был способен только народ, ощущающий себя хозяином собственной судьбы, следовательно, избавившийся от колониальной зависимости. Поэтому национальная независимость обрела в глазах жителей стран Азии, Африки, Латинской Америки особую аксиологическую значимость, заняв одно из наиболее важных мест в иерархии ценностей модернизации. Совершить “сверхусилие” и “прорваться” в современность могли лишь государства, добившееся **национальной консолидации**, сумевшие сплотить все общество во имя достижения целей развития. Такого рода консолидация превратилась для представителей неевропейских цивилизаций в важнейшую составную часть системы ценностей модернизации. Воплощение ее в жизнь приобрело особенно большое значение для молодых государств, возникших в результате развала колониальных империй во второй половине XX в., поскольку почти все они состояли из огромного количества различных этнических и религиозных общностей, зачастую разделенных в предшествующей истории непроходимыми пере-

городками, раздираемых взаимным соперничеством либо просто веками враждовавших.

Добиться национальной консолидации, а также обеспечить подъем экономики (и, как следствие, повышение уровня и качества жизни) было возможно лишь в случае, если удастся вывести сотни миллионов людей, прежде всего в Азии, Африке и Латинской Америке, из состояния беспросветной нищеты, в котором они пребывали. А это, в свою очередь, предполагало смягчение вопиющего социального неравенства, которое царило во всех неевропейских обществах, причем как в период колониального господства европейских держав, так и после завоевания бывшими колониями независимости и появления после Второй мировой войны мира развивающихся стран – “третьего мира”. Поэтому подавляющее большинство лидеров антиколониального национально-освободительного движения, а впоследствии – “третьего мира” с самого начала рассматривали как важную и самостоятельную ценность модернизации **выравнивание социальных и экономических условий жизни** различных слоев общества. То есть ту или иную степень приближения к идеалу социального равенства в результате создания для всех одинаковых возможностей, уменьшения или ликвидации огромного разрыва в уровне жизни и доходов тех, кто находились на самом вершине социальной пирамиды, и тех, кто составляли ее основание.

Рациональный подход к действительности, развитие, национальная независимость, национальная консолидация, выравнивание социальных и экономических условий жизни различных слоев общества заняли в восприятии представителей неевропейских цивилизаций более высокие места в иерархии модернизационных ценностей, чем индивидуальная свобода выбора и непосредственно вытекавшие из нее терпимость, плюрализм, развитая правовая структура, гражданское общество, политическая демократия. Все эти составляющие системы ценностей модернизации, прямо основанные на принципе личной свободы, признавались постольку, поскольку они способствовали достижению целей развития, национальной консолидации и т.п. (или, как минимум, не противоречили им). Между тем напряжением между сферами ценностей модернизации, в особенности между базовыми понятиями рационализма и свободы, которое стало одной из характерных черт развития Запада, возникло и во вступивших на путь “догоняющего” развития неевропейских обществах. Охарактеризованная специфика восприятия комплекса ценностей модернизации в “незападном” мире обусловила то обстоятельство, что среди руководителей национально-освободительного движения довольно широкое распространение получила тенденция, суть которой сводилась к попытке решить противоречия модернизационного процесса за счет усиленной акцентировки одних компонентов модернизации в ущерб другим, которые либо прямо отбрасывались, либо признавались лишь формально. Причем чаще всего выносились за скобки именно принципы личной свободы, плюрализма и демократии.

Данная тенденция получила гипертрофированное развитие среди сторонников выработки версий модернизации, альтернативных западной, прежде всего среди приверженцев революционных течений левосоциалистического толка. Однако она проявилась повсюду даже в тех странах, руководство которых с самого начала официально провозглашало приверженность ценностям демократии и стремилось создать систему демократических институтов по западному образцу. Внедрение этих ценностей и институтов в “незападном” мире оказалось, пожалуй, наиболее сложной из задач модернизационного процесса в этом мире. Стремление усвоить западные науку, технологию и организацию, игнорируя западную свободу, означало попытку воспользоваться плодами развития “фаустовской” цивилизации, отринув одну из ее главных основ. Здесь исток, пожалуй, наиболее драматических коллизий, затрагивающих самые основы жизни людей в ареалах неевропейских цивилизаций.

С того момента, когда они столкнулись с западной цивилизацией, перед всеми без исключения народами “незападного” мира встал один и тот же роковой вопрос: можно ли стать свободными, оставаясь самими собой – китайцами, индийцами, русскими, латиноамериканцами, африканцами и т.д.? Или для этого необходимо превратиться

в составную часть Запада? Данный вопрос приобрел чрезвычайную остроту после Второй мировой войны, особенно в последние десятилетия, когда процесс глобализации, основные черты которого определяет опять же Запад, получил столь бурное развитие, что поставил под сомнение саму возможность существования каких-либо иных образов жизни, помимо современного, западного в своей основе. Именно мучительные поиски собственного ответа на упомянутый вопрос составляют внутреннюю подоплеку всего громадного многообразия событий, которое являет нам в XX–начале XXI в. история той основной части человечества, которая живет вне “европейского” цивилизационного ареала.

Как отмечалось выше, комплекс ценностей модернизации впервые сформировался в западном социокультурном контексте, из которого он органически вырос. В иных же культурно-исторических средах он воспринимался первоначально как нечто чуждое, не порожденное местной цивилизационной почвой, насильно навязываемое извне. И происходило это потому, что неевропейские цивилизации представляли собой совершенно особые, не похожие на Запад человеческие миры, для которых оказался характерен иной подход к решению ключевых проблем-противоречий человеческого существования. Именно здесь корень всех проблем, связанных с модернизацией в “незападном” мире, причина того, что попытки внедрения ценностей модернизации в жизнь народов, не принадлежащих “фаустовскому” цивилизационному кругу, вызвали во многих случаях бурную реакцию отторжения, обусловили крайне болезненную ломку многих традиционных оснований привычного для них мира.

Исторический опыт XX в., по моему мнению, убедительно свидетельствует, что добиться подлинно глубокой и всесторонней модернизации можно, лишь утверждая одновременно все ее ценности в комплексе. Попытки решить проблему вхождения в современность, утвердив одни из них (к примеру, принципы развития и рациональности) и отбросив другие (например, демократию и права человека), на каких-то отрезках исторического пути могут дать временный эффект, но в конечном счете ведут в тупик. Решение задачи комплексного утверждения ценностей модернизации предполагает, разумеется, нахождение путей преодоления возникающих между этими ценностями в конкретной действительности противоречий в рамках демократического процесса.

Поскольку демократия предполагает соблюдение баланса различных интересов, тем более, когда речь идет о жизненных установках значительной части населения, подлинная модернизация не может быть осуществлена путем искоренения традиций неевропейских цивилизаций, полного стирания неповторимых черт исторического лица народов “незападного” мира. Вместе с тем войти в современность они не смогут, не преодолев некоторые особенности своего наследия, главным образом традиций, не совместимых с современными представлениями о правах человека.

Таким образом, однозначного ответа на вопрос: можно ли стать свободным, оставаясь самим собой, не существует. Представители неевропейских цивилизаций никогда не смогут в той или иной мере справиться с коллизиями модернизационного процесса, не внедрив в свою жизнь западный принцип свободы выбора и вытекающие из него демократию, гражданское общество и т.п. Но сделать это они смогут, лишь найдя какие-то формы связи данного принципа и основанных на нем общественных институтов с собственными культурными традициями.

Итак, стать свободным можно, лишь оставаясь самим собой и одновременно существенно изменившись. На первый взгляд, это парадоксальный вывод. Но в действительности здесь нет противоречия. Усвоение достижений иной цивилизации может быть подлинным лишь в том случае, если оно будет творческим. А творчество исключает механическое копирование. Лишь переплавив чужой опыт в огне собственной души, тот или иной народ (или человек) сможет сделать его своим достоянием. Подобная “переплавка” требует огромных усилий. На такие усилия способен лишь тот, кто сумел сохранить свое собственное лицо, стержень своей неповторимой индивидуальности.

Если далее следовать данной логике рассуждений, то мы неизбежно придем еще к одному принципиально важному выводу: единственный способ соединить все ценности модернизации в комплексе – это синтез, или органическое соединение, данных ценностей и местной цивилизационной традиции. К рубежу XX–XXI вв. это обстоятельство было осознано практически во всех неевропейских цивилизациях. Срывы модернизационного процесса, связанные с попытками выборочного внедрения одних ее ценностей при игнорировании или отказе от остальных, обусловили необходимость смены идентификационной стратегии: практически повсеместно в “незападном” мире в основу этой стратегии в последние десятилетия XX–начале XXI в. была положена идея синтеза ценностей модернизации и собственных цивилизационных традиций “незападных” народов.

Все цивилизации существенно отличаются друг от друга. Поэтому каждой из них должна соответствовать собственная “формула синтеза”. Найти такую формулу – в высшей степени сложная задача. Для ее решения недостаточно просто провозгласить курс на органическое соединение местной традиции и принципов модернизации. Ключевое значение тут имеет учет особенностей и умение использовать в интересах обновления специфику цивилизационно-религиозного фундамента той или иной страны [Васильев 1993, с. 70, 182–187, 400–402]. Решающим фактором, определившим основные черты крупнейших цивилизаций, были великие мировые религии: христианство, буддизм, индуизм, конфуцианство, ислам. Как мера восприятия, так и мера отторжения модернизационного импульса были в определяющей степени обусловлены характером цивилизационно-религиозной основы соответствующих социумов.

Сказанное относится ко всему “незападному” миру с его крайней неоднородностью, на определенном аспекте которой в данном случае уместно сосредоточить внимание. Эта неоднородность проявляется не только в том, что к нему относятся существенно отличающиеся друг от друга цивилизации и культуры (достаточно вспомнить, какая дистанция отделяет друг от друга три великие модификации Востока – Китай, Индию и мусульманский мир), но и в том, что здесь представлены различные цивилизационные типы.

Как я уже неоднократно отмечал, цивилизации могут быть классифицированы по самым различным основаниям. В данном случае в качестве определяющего критерия выдвигается соотношение начал (принципов) единства и многообразия, целостности (гомогенности) и неоднородности (гетерогенности). Все цивилизации многообразны, состоят из множества различных элементов – этнических, культурных, языковых и т.д. В то же время каждая из них едина во всем многообразии составляющих ее компонентов. Однако соотношение между началами единства и многообразия принципиально отличается в цивилизациях “классического” типа и в “пограничных” цивилизациях. В первых доминирует принцип единства. Следует особо отметить, что подобная доминанта отнюдь не означает единообразия: названный принцип может быть выражен по-разному представителями тех или иных традиций [Шемякин 2001^a, с. 9–10; Шемякин 2013, с. 24–26]. Однако все они едины в подходе к решению ключевых проблем-противоречий человеческого существования, здесь наличествует некий единый стержень, пронизывающий собой все многообразие жизненных проявлений “классической” цивилизации, прочно скрепляя их. К этому типу относятся великие цивилизации, базирующиеся на относительно монолитном религиозно-ценностном фундаменте (субэкумены, по терминологии Г. Померанца). Наряду с христианским Западом, к этому разряду относятся и три крупнейшие цивилизации Востока – индо-буддийская цивилизация Южной Азии (с центром в Индии), конфуцианско-буддийская цивилизация Восточной Азии (с центром в Китае) и мир ислама.

В противоположность сказанному в “пограничных” цивилизациях доминирует начало многообразия, что не означает, впрочем, отсутствия единства: оно тоже вполне реально. Сохранение последнего в условиях доминанты многообразия – величайший парадокс и загадка истории. Возможные подходы к ее решению намечены в современных концепциях цивилизационного “пограничья” (см. [Кануны... 2002; Цивили-

зационно-культурное... 2012; Социокультурное... 2008; Земсков 2014; 2015; Шемякин 2000; Шемякин 2013; Шемякин 2014^a; Шемякин 2014^b; Шемякин, Шемякина 2007]). К этому цивилизационному типу исторически относились эллинистическая и византийская цивилизации, в настоящее время он представлен Россией-Евразией, Латинской Америкой и Балканской культурно-исторической общностью. Вплоть до середины XX в. к цивилизационному “пограничью” в полной мере принадлежала и Пиренейская Европа. Во второй половине XX–начале XXI в. наблюдается интенсивное развитие процесса ее интеграции в западную субэкумену. Однако, по моему мнению, этот процесс еще далек от завершения, наличествует контртенденция к сохранению цивилизационной особенности пиренейской общности.

Сама действительность “пограничных” цивилизаций являет собой сложнейший узел взаимосвязи различных типов контакта качественно разнородных традиций. Это имеет противоречивые последствия для развертывания модернизационного процесса. Отсутствие относительно монолитного духовно-ценностного фундамента цивилизации обуславливает отсутствие цельности восприятия ценностей модернизации, и это создает дополнительные трудности на пути распространения импульсов обновления. Однако подобная ситуация означает и отсутствие мощного массива традиционного общества, тормозившего внедрение новшеств (как это имело место во многих случаях на Востоке), меньшую (опять же по сравнению с Востоком) сопротивляемость традиций нововведениям. Отсутствие относительно монолитного духовно-ценностного фундамента позволяет значительно легче отождествлять себя с “Другим” – с представителем иной культуры.

В принципе для всего цивилизационного “пограничья” характерна повышенная по сравнению с “классическими” образцами роль внешних факторов, бóльшая “проницаемость” для внешних влияний. Это – прямое следствие отсутствия монолитной духовно-ценностной базы. В то же время для “пограничных” цивилизаций не менее типична повышенная (опять же по сравнению с “классическим” цивилизационным типом) способность к трансформации внешних факторов в соответствии с логикой местной почвы, в конечном счете – к преобразованию “внешнего” во “внутреннее”. Если попытаться обобщить результаты многовекового мощного духовного “облучения” цивилизационного “пограничья” западными центрами, то станет очевидно: внешние факторы воздействуют в первую очередь на интеграторы цивилизации – государственность, декларируемую и официально санкционированную систему ценностей и экономическую систему. Но в условиях “пограничья” этого совершенно недостаточно: интеграторы воплощают принцип единства, однако в данной человеческой реальности довлеет иной онтологический принцип – многообразие. И даже самое мощное внешнее воздействие неизменно наталкивается на “барьер многообразия”, растворить которое оно оказывается не в силах. Именно доминанта многообразия обуславливает повышенную способность к перевариванию инородных влияний, к приятию первоначально чуждого при одновременном отрицании любых попыток унификации в соответствии с каким-либо одним принципом, навязываемым извне. Следует отметить, что в “пограничных” цивилизациях планетарного масштаба – Латинской Америке и России – описанная закономерность проявляется с особой ясностью и силой [Шемякин 2001^a, с. 30–37, 187–188; Шемякин 2007^a, с. 77].

Выдвинутые положения можно проиллюстрировать теми метаморфозами, которые происходят в цивилизационном “пограничье” с различными духовными движениями начиная с мировых религий. Достаточно вспомнить в этой связи, сколь существенным трансформациям подверглось в условиях как Латинской Америки, так и России христианство и в католической, и в православной версиях церковной ортодоксии. В подтверждение можно было бы привести немало ярких примеров, что невозможно в небольшой статье. Тем более, данная тема достаточно подробно рассматривалась мною ранее [Шемякин 2001^a, с. 98–103, 233–246; Шемякин 2007^b; Шемякин, Шемякина 2006; Шемякин, Шемякина 2007]. Ограничусь лишь указанием на общее направление процесса изменений: резкое расширение поля интерпретации универсальных ся-

шенных символов, формирование многочисленных, порой весьма причудливых форм взаимосвязи с местными духовными традициями, в том числе с весьма влиятельными в “пограничной” социокультурной среде мифомагическими комплексами. И это – несмотря на постоянные попытки достичь жесткой унификации духовной сферы. И тут примеров как из российской, так и из латиноамериканской истории можно было бы привести предостаточно.

В конкретных условиях реально существующих сегодня цивилизационных “пограничій” проблема соотношения внешнего и внутреннего предстает главным образом как проблема их взаимоотношений с западноевропейской цивилизацией. Хотя в принципе “внешнее” ни в северной Евразии, ни к югу от Рио-Гранде-дель-Норте, ни на Балканах, ни на Пиренеях не сводилось к “западному”, сила воздействия “фаустовской” субэкумены на сформировавшиеся там человеческие миры всегда была столь велика, что на протяжении всей их истории неизменно ставила под вопрос их цивилизационную идентичность. Положение резко усложнилось в связи с тем, что Запад одновременно выступил в упомянутых случаях в двух исторических ипостасях: как внешняя по отношению к “пограничным” цивилизациям сила и как мощный внутренний фактор их развития. И как показали многочисленные фундаментальные исследования, европейская традиция превратилась в неразрывную и важнейшую составляющую социально-генетического кода данных цивилизаций (см. [Ахиезер 1991; Кондаков 1997; Живов 2002; Глостанова 2004; Сеа 1984; Кофман 1997; Земсков 2014; Земсков 2015; Зубов 1997; Пограничные... 2001; Цивьян 1990; Холенштайн 1999; Восток... 2007]).

В такой историко-культурной ситуации “пограничные” общности могли обрести целостность, только самоопределившись по отношению к Западу, одновременно утвердив свою инаковость и выработав способность к активному и быстрому восприятию западных новаций. Поэтому повышенные по сравнению с “классическими” цивилизациями уровень проницаемости для внешних влияний и способность их трансформации в соответствии с собственной логикой, переработки “внешнего” во “внутреннее” были в равной степени необходимыми условиями как становления, так и сохранения в ходе взаимодействия с Западом всех перечисленных “пограничных” общностей как особых культурно-исторических целостностей.

В подобном контексте следует особо отметить, что благодаря охарактеризованному выше особому соотношению внешнего и внутреннего, двум цивилизационным “пограничьям” планетарного масштаба – России и Латинской Америке – удалось утвердить и сохранить свою идентичность в условиях сильнейшего давления западной субэкумены. И это несмотря на то, что все основные формы организации жизни практически во всех областях – от экономики до духовной сферы – были первоначально позаимствованы у Запада [Зубов 1997, с. 111; Шемякин, Шемякина 2004, с. 111–113]. В этом плане Россией и Латинской Америкой накоплен уникальный, имеющий всемирно-историческое значение опыт сохранения и воспроизведения собственной цивилизационной целостности в ситуации, которая, казалось бы, вообще исключала такую возможность [Шемякин 2001^а; Шемякин 2007^а; Шемякин, Шемякина 2004].

Выше был сформулирован вывод о том, что восприятие ценностей модернизации может быть подлинным лишь в том случае, если оно будет творческим. Но творчество по определению предполагает максимальную мобилизацию духовных потенций человека или человеческой общности. И если собственное творчество – единственно возможный адекватный ответ на воздействие определенного внешнего фактора, значит, подобное воздействие затрагивает самые глубины коллективной или личной экзистенции. Комплекс ценностей модернизации, впервые появившись на Западе, явился в условиях “незападного” мира именно таким фактором. Впрочем, в этой связи следует подчеркнуть, что и первичная модернизация в “фаустовском” цивилизационном ареале вне всякого сомнения затронула самые основы существования людей Запада.

Как было показано, по своему историческому содержанию модернизация представляла собой процесс взаимодействия качественно разнородных составляющих. Взаимодействие, происходившее повсюду в мире на глубине человеческой экзистен-

ции, есть все основания рассматривать как универсальный фактор истории, а ценности модернизации, соответственно, как универсальные. Такой характер подобное взаимодействие могло приобрести лишь в том случае, если имел место контакт цивилизационных основ, то есть базовых принципов, в которых фиксировался подход представителей контактирующих традиций к решению ключевых экзистенциальных проблем-противоречий. Принципов, придающих смысл существованию человека или человеческой общности. Иными словами, в основе своей процесс модернизации есть не что иное, как диалог смыслов, олицетворяющих различные цивилизационные традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С. (1991) Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М.: Изд-во Философского общества СССР.
- Васильев Л.С. (1993) История Востока. Т. 2. М.: Высшая школа.
- Восток и Запад в балканской картине мира (2007) М.: Индрик.
- Гириц К. (2004) Интерпретация культур. М.: РОССПЭН.
- Живов В.М. (2002) Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры.
- Земсков В.Б. (2015) Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив “Гнозис”.
- Земсков В.Б. (2014) О литературе и культуре Нового Света. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив “Гнозис”.
- Зубов А.Б. (1997) О природе русской цивилизации // Рубежи. № 8–9. С. 101–114.
- Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания (2002) В 2 ч. М.: ИМЛИ РАН.
- Кондаков И.В. (1997) Введение в историю русской культуры. М.: Аспект пресс.
- Кофман А.Ф. (1997) Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие.
- Мюрдаль Г. (1972) Современные проблемы “третьего мира”. М.: Прогресс.
- Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) (2001) СПб.: Изд-во “Общественное объединение Союз писателей С.-Петербурга”.
- Сеа Л. (1984) Философия американской истории. М.: Прогресс.
- Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование (2008). М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”.
- Тлостанова М.В. (2004) Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М.: Едиториал УРСС.
- Холенштайн Э. (1999) Россия – страна, преодолевающая пределы Европы // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: РГГУ. С. 319–333.
- Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры/литературы (2012) // Новые российские гуманитарные исследования. № 7 (<http://www.nrgumis.ru/articles>).
- Цивьян Т.В. (1990) Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука.
- Шемякин Я.Г. (2007^a) Вера и разум в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. № 3. С. 78–92.
- Шемякин Я.Г. (2011) Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия–Латинская Америка–Запад // Общественные науки и современность. № 3. С. 79–96.
- Шемякин Я.Г. (2001^a) Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука.
- Шемякин Я.Г. (2001^b) История мировых цивилизаций. XX в. М.: АПКИПРО.
- Шемякин Я.Г. (2014^a) Мыслеобраз границы: социокультурные проекции // *Przegląd wschodnioeuropejski (East European Review)*. Vol. 1. Pp. 149–161.
- Шемякин Я.Г. (2000) Отличительные особенности “пограничных” цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. № 3. С. 96–114.
- Шемякин Я.Г. (2007^b) Пограничные цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка. № 7. С. 75–84.
- Шемякин Я.Г. (2008) Россия в западном восприятии (специфика образов “пограничных” цивилизаций) // Общественные науки и современность. № 1. С. 133–144.

Шемякин Я.Г. (2014^b) Субэкумены и “пограничные” цивилизации в сравнительно-исторической перспективе (О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта). Ст. 1–2 // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 113–123; № 3. С. 119–129.

Шемякин Я.Г. (2013) Феномен “пограничности”: социокультурное содержание и исторические типы // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. № 42. М.: ИВИ РАН. С. 23–45.

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2004) Россия – Евразия: специфика формообразования в цивилизационном пограничье. Ст. 1 // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 108–119.

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2007) Соотношение веры и разума в цивилизационном “пограничье”: российские параллели латиноамериканского опыта // *Латинская Америка*. № 11. С. 58–77.

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2006) Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 98–108.

The phenomenon of modernization: a civilizational dimension

Article 2. The Modernization Values in the West and the “non-Western” World: Perception Peculiarities and Dynamics of Identity Strategies Evolution

J. SHEMYAKIN*

* **Shemyakin Jacob** – doctor of sciences (History), chief research assistant, Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. Address: 21/10, B. Ordynka st., Moscow, 115035, Russian Federation. E-mail: shemiakin.yakov@yandex.ru.

Abstract

The author continues his investigation of the modernization phenomenon in the context of civilizational approach. This article defines its content of values, their hierarchy and analyzes the peculiarities of modernizing impulse perception in the West and in the “non-Western” world. Special attention is paid to the controversial and historically changing relationship between the two bases of modernization: the principles of freedom of choice and rationality. In this connection the dynamics of identification evolution strategies is also traced. A particular object of the study is the specifics of the modernization process in “border” civilizations type, which include Russia.

Keywords: modernization, values of modernization, modern-design, interaction between civilizations, civilizational identity, identification strategy, subecumenes, “borderline” civilizations.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1991) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: a Critique of Historical Experience]. V. 3t. Moscow: Izd-vo Filosofskogo Obshestva SSSR.

Civilizacionno-kul'turnoe pogranich'e kak generator stanovleniya mirovoj kul'tury/literatury (2012) [Civilizational and Cultural Borderlands as a Generator of the Formation of World Culture/Literature]. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniy*, no. 7 (<http://www.nrgumis.ru/articles>).

Geertz C. (2004) *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of Cultures]. Moscow: ROSSPEN.

Holenstein E. (1999) *Rossiya – strana, preodolevayushchaya predely Evropy* [Russia – a Country That Is Overcoming the Boundaries of Europe]. *Roman Jakobson: teksty, dokumenty, issledovaniya* [Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies]. Moscow: RGGU, pp. 319–333.

Kanuny I rubezhi. Tipy pogranichnyh ehpor – tipy pogranichnogo soznaniya (2002) [Eves and Boundaries. Types of Border Eras – the Types of Boundary Consciousness]. V 2 ch. Moscow: IMLI RAN.

- Kofman A.F. (1997) *Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira* [Latin American Artistic Image of the World]. Moscow: Nasledie.
- Kondakov I.V. (1997) *Vvedenie v istoriyu russkoj kul'tury* [Introduction to the History of Russian Culture]. Moscow: Aspekt press.
- Myrdal G. (1972) *Sovremennye problemy "tret'ego mira"* [Modern Problems of the "Third World"]. Moscow: Progress.
- Pogranichnye kul'tury mezhdu Vostokom i Zapadom (Rossiya i Ispaniya)* (2001) [Border Cultures Between East and West (Russia and Spain)]. St. Petersburg: Izd-vo "Obshchestvennoe ob'edinenie Soyuz pisatelej St. Petersburga".
- Sea L. (1984) *Filosofiya amerikanskoy istorii* [The Philosophy of American History]. Moscow: Progress.
- Shemyakin J.G. (2011) Diskurs vzaimodejstviya i vzaimodejstvie diskursov: Rossiya–Latinskaya Amerika–Zapad [Discourse of Interaction and Interaction of Discourses: Russia–Latin America–West]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 79–96.
- Shemyakin J.G. (2001^a) *Evropa i Latinskaya Amerika: Vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирnoj istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History]. Moscow: Nauka.
- Shemyakin J.G. (2013) Fenomen "pogranichnosti": sociokul'turnoe sodержanie i istoricheskie tipy [The Phenomenon of "Boundary": Socio-cultural Content and Historical Types]. *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii*, no. 42, pp. 23–45.
- Shemyakin J.G. (2001^b) *Istoriya mirovyh civilizacij. XX v.* [The History of World Civilizations. XX Century]. Moscow: APKiPRO.
- Shemyakin J.G. (2014^a) Mysleobraz granicy: sociokul'turnye proekcii. [The Mental Image of the Boundary: Socio-cultural Projections]. *Przeglad Wschodnioeuropejski (East European Review)*, vol. 1, pp. 149–161.
- Shemyakin J.G. (2000) Otlichelnye osobennosti "pogranichnyh" tsivilizatsiy (Latinskaya Amerika i Rossiya v sravnitelno-istoricheskom osveschenii) [Specific features of "borderline" civilizations (Latin America and Russia in comparative-historical interpretation)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 96–114.
- Shemyakin J.G. (2007^b) Pogranichnye civilizacii planetarnogo masshtaba. Osobennosti i perspektivy ehvoljucii [The Borderline Civilizations of Planetary Scale. Special Features and Prospects of Evolution]. *Latinskaya Amerika*, no. 7, pp.75–84.
- Shemyakin J.G. (2008) Rossiya v zapadnom vospriyatii (specifika obrazov "pogranichnyh" civilizacij). [Russia in the Western Perception (Specific Features of the "Borderline" Civilizations)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 133–144.
- Shemyakin J.G. (2014^b) Subehkumeny i "pogranichnye" civilizacii v sravnitel'no-istoricheskoj perspektive (O haraktere sootnosheniya Yazyka, Teksta i Shrifta). St. 1–2 [Subecumenes and "Borderline" Civilizations in the Comparative-Historical Perspective (On the Nature of the Relation of Language, Text and Type). Article 1–2]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 113–123; no. 3, pp.119–129.
- Shemyakin J.G. (2007^a) Vera i racio v duhovnom kosmose latinoamerikanskoy civilizacii [Faith and Rationality in the Spiritual Space of Latin American Civilization]. *Latinskaya Amerika*, no. 3, pp. 78–84.
- Shemyakin J.G., Shemyakina O.D. (2004) Rossiya – Evraziya: specifika formoobrazovaniya v civilizacionnom pogranich'e. St. 1 [Russia – Eurasia: Specific Character of the Process of Creation of Forms in the Borderline Civilizations]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 108–119.
- Shemyakin J.G., Shemyakina O.D. (2007) Sootnoshenie very i racio v civilizacionnom "pogranich'e": rossijskie paralleli latinoamerikanskogo opyta [The Correlation of Faith and Rationality in the Civilizational "Borderland": Russian Parallels of Latinoamerican Experience]. *Latinskaya Amerika*, no. 11, pp. 58–77.
- Shemyakin J.G., Shemyakina O.D. (2006) Staroobradchestvo i process formoobrazovaniya v rossijskoj civilizacii [Old Belief and the Process of the Creation of Forms in the Russian Civilization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 98–108.
- Sociokul'turnoe pogranich'e kak fenomen mirovyh i rossijskih transformacij: Mezhdisciplinarnoe issledovanie* (2008) [Socio-cultural Borderlands as a Phenomenon of Global and Russian Transformations: Interdisciplinary Research]. Moscow: Knizhnyj dom "LIBROKOM".
- Tlostanova M.V. (2004) *Postsovetskaya literatura i ehstetika transkul'turacii* [Post-Soviet Literature and Aesthetics of Transculturation]. Moscow: Editorial URSS.
- Tsivyayn T.V. (1990) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoy modeli mira* [Linguistic Basis of Balkanian Model of the World]. Moscow: Nauka.

Vasiliev L.S. (1993) *Istoriya Vostoka* [History of the Orient], vol. 2. Moscow: Vysshaya shkola.
Vostok i Zapad v balkanskoj kartine mira (2007) [East and West in the Balkanian Picture of the World] Moscow: Indeks.

Zemskov V.B. (2015) *Obraz Rossii v sovremennom mire I drugie syuzhety* [The Image of Russia in the Modern World, and other Subjects]. Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ “Gnozis”.

Zemskov V.B. (2014) *O literature i kul'ture Novogo Sveta* [On the Literature and Culture of the New World]. Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ “Gnozis”.

Zhivov V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoj kul'tury* [Researches in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Zubov A.B. (1997) O prirode russkoj civilizacii [On the Nature of Russian Civilization]. *Rubezhi*, no. 8–9, pp. 101–114.

© Я. Шемякин, 2016